

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ
РОЗА

Константин Георгиевич Паустовский

Беглые встречи

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159433

К. Паустовский «Избранное»: Радянська школа; Киев; 1984

Константин Паустовский

Беглые встречи

Поздней ночью я проезжал на машине по Великолуцкой и Псковской областям и видел много маленьких лесных деревень. Особенно запомнилась мне деревня с приветливым названием Звоны.

Стояли эти Звоны на бугре, над глухим и, очевидно, очень глубоким озером. Дело было к вечеру. Небо уже померкло, но в окнах домов еще отражался желтоватый холодный закат.

Вечером того же дня я приехал в просторный и тихий городок Опочку. Среди города шумела и пенилась река Великая.

Я остановился в опочечкой гостинице. И была у меня в этой гостинице мимолетная и интересная встреча.

В гостинице только что окончился ремонт, и потому все было забрызгано известкой, даже электрические лампочки под потолком.

Через час после приезда я встретился в прихожей гостиницы с низеньким седым человеком в потертом пальто.

Старик этот, оказывается, уже знал, что я приехал из Москвы. Он остановил меня и спросил:

– Когда в последний раз вы были в Большом зале Консерватории?

Я был озадачен этим вопросом, но ответил, что был месяц назад, на концерте пианиста Святослава Рихтера.

– Суть в том, – сказал старик, – что я окончил Московскую консерваторию. По классу композиции. Когда вернетесь в Москву, поклонитесь от меня Большому залу Консерватории и нашему знаменитому органу «Очень прошу вас!

– А вы давно были в Москве?

– Семь лет назад, – ответил композитор и тут же спросил: – Интересовались ли вы, сколько в Великолуцкой области пианино и роялей в так называемых «сельских местностях»? В колхозных клубах и таких городках, как эта благословенная Опочка?

Я снова был озадачен и ответил, что нет, этим вопросом я не интересовался.

– Вот видите! – горестно воскликнул композитор. – А их до безобразия мало.

В прихожую вошел человек в ватнике. От него сильно несло бензином. Должно быть, это был шофер.

– Папаша, – сказал он композитору, – пойдете в столовую пообедаем. Я сегодня при деньгах. Заправимся под самую пробку.

– Спасибо, голубчик. Но у меня через два часа концерт в школе. Буду играть Чайковского и Шостаковича. Никак не могу.

Композитор повернулся ко мне.

– Семь лет! – воскликнул он и взял меня за рукав паль-

то. – За семь лет я объехал весь север, а теперь объезжаю Великолуцкую область. Я даю концерты по селам и маленьким городам. Я мог бы жить в Москве и даже, может быть, преуспевал бы, как многие мои товарищи. Человек я одинокий, мне не много надо. Как сказал некий поэт: «Только корку хлеба, кружку молока да вот это небо, эти облака». Но я, как видите, предпочитаю скитаться по городам и весям и давать концерты. По существу, за гроши. Но не в этом суть! Вы не можете представить себе, как народ тянется к музыке. Особенно молодежь. И как люди благодарны за музыку. Ради этого стоит походить в поношенном пальто.

– На дорогу и то небось не хватает, – заметил шофер.

– Не было еще случая, – гордо ответил старик, – чтобы меня не перевезли бесплатно из одного места в другое. Я композитор, по сейчас я выступаю как пианист. Это справедливо.

– Почему? – спросил я.

– Суть заключается в том, – ответил композитор, – чтобы правильно наметить себе ту наибольшую меру прекрасного, которую вы можете передать людям. Вы понимаете меня? Моим собственным музыкальным вещам далеко до Моцарта или Чайковского, Мусоргского или Шостаковича. Поэтому я предпочитаю увеличить степень своей полезности для народа и лучше играть чужие вещи, чем сочинять свои.

– Точно! – сказал шофер. – Я вот шофер третьего класса, так я на ЗИС сто десять за руль не сяду. Могу запороть ма-

шину.

– Погоди, Захар Иванович, – перебил композитор. – Что такое я? Как композитор? Простая мелодия. Без исполинского порыва ввысь, без страсти. А в наше время прежде всего нужно воспитывать большие человеческие чувства. Прежде всего! Поэтому я и стал пианистом, исполнителем бессмертных вещей. Некий поэт сказал: «Этот листок, что иссох и свалился, золотом вечным горит в песнопенье». Золотой отблеск, который бросает на нас искусство, – вечен! Он бесконечно облагораживает нас. В этом суть, дорогой товарищ!

Композитор помолчал, как бы прислушиваясь к отдаленному звуку, потом сказал:

– Я неясно говорю. Плохая привычка. Мне приходится подчас быть не только пианистом, но и настройщиком. И даже музыкальным мастером. На днях был такой случай. Есть здесь поблизости деревушка Звоны. Да, да, чудесная деревня. Над озером. И вот оказывается, в этих Звонах у тамошней сельской учительницы стоит в домишке рояль. Остался ей в наследство от старушки предшественницы. Как он попал к этой старушке, никто толком не знает. Замечательный инструмент! Но на нем было восемь немых клавиш. Пришлось мне самому их чинить. Правда, провозился я с ним долго. Но одолел. Звук – божественный. Теперь его перевезли в колхозный клуб. Вот так и работаем.

– Если рассуждать практически, – сказал шофер, – то

вы, Леонид Петрович, вроде как малый ребенок. Как же это можно так беспокойно существовать в вашем преклонном возрасте!

– А ты не рассуждай практически, – заметил композитор и показал глазами на дежурную по гостинице, коротконогую женщину с выпуклыми глазами и поджатым ртом. Она сидела за перегородкой и щелкала на счетах. – Таких вот практически рассуждающих развелось, как капустной тли. Ты лучше на концерт бы пришел.

– А как же! – ответил шофер. – Вы без меня, Леонид Петрович, пока ни одного концерта в Опочке не давали.

Композитор попрощался и вышел.

– Кто этот человек? – спросил я дежурную.

– Сами не видите, что ли! – грубо ответила она я передернула плечами. – Побирается за счет музыки. Только и знает, что нарушать правила внутреннего распорядка. То поет, то приведет мальчишек из ремесленного и учит их в номере играть на гитаре. А у нас люди стоят солидные, командировочные. Выселить его следует за это.

К ночи задул над Опочкой сумрачный, северный ветер, нагнал тучи. Порывами налетал дождь, бил твердыми каплями в оконные стекла, смывал с них известку.

Темнота залегла так густо, что даже яркие фонари на пустынных улицах не могли отодвинуть ее за пределы города. Так она и пролежала над Опочкой до водянистого и холодного рассвета.

Среди ночи я проснулся. Шумел ветер, мотал на улице за окном голые деревья. Тусклые тени от веток беспорядочно шевелились на стене над моей головой.

Я лежал и вспоминал о старом композиторе. Как ему, должно быть, одиноко в чужом городке в такие вот окаянные ночи...

За дверью кто-то прошел. Застучал медный стержень ручкомойника, висевшего в коридоре, заплескалась вода, и человек, умываясь, запел вполголоса:

Пусть плачет и стонет осенняя выюга
И волны потока угрюмо шумят...

Тотчас тяжело заскрипела лестница. Кто-то вошел в коридор, и я услышал сварливый голос дежурной:

– Прекратите безобразие! Ишь чего придумали – петь по ночам!

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – раздалось в ответ таким свистящим шепотом и с такой наигранной свирепой угрозой, что дежурная, что-то бормоча о правилах внутреннего распорядка, быстро ушла, а композитор – я узнал его голос – совершенно по-мальчишески рассмеялся ей вслед. Я тоже рассмеялся у себя в номере.

И я понял, что никакие неприятные ночи и никакие бездушные люди не смогут смутить этого чистого сердцем и веселого человека.

Утром я уезжал из Опочки в Псков. По пути я заехал в Пушкинские горы, на могилу поэта.

Как всегда поздней осенью, там было безлюдно и тихо. С могильного холма виднелись сизые дали, тронутые последней позолотой.

На могиле, около простого белого памятника с надписью «Александр Сергеевич Пушкин», я никого не застал. Только через час пришло несколько цыган и цыганок – табор их я видел невдалеке от Пушкинских гор.

Цыгане сели на землю около могилы, о чем-то тихо посоветовались между собой и едва слышно запели протяжную и печальную цыганскую песню.

Не пела только одна молодая цыганка. На ее плечи была накинута нарядная шелковая шаль. Женщина тоже сидела на земле и перебирала палые листья. Потом она встряхнула головой, вынула из черных гладких волос алую бумажную розу, бросила ее к подножью памятника Пушкину и улыбнулась, сверкнув влажными зубами.

Цыганская песня все лилась, как приглушенный звон. Я вспомнил композитора в Опочке, и в сознании у меня возникла вдруг какая-то смутная связь между протяжным напевом и звуками рояля в самых глухих, самых отдаленных углах страны, во всех этих Звонах, Горячих Станах, Сосенках и Каменных Гривах.

Цыгане встали и начали спускаться по выветренной каменной лестнице с могильного холма.

Молодая цыганка ушла последней. Она постояла около могилы, потом обернулась ко мне, сказала хрипловатым голосом: «Я бы тебе, дорогой, спела „Черную шаль“, да нельзя – горло сильно болит», – легко повернулась и ушла вслед за цыганами.

Я остался. Короткий, как мимолетная улыбка, день быстро иссякал, сливая все краски осени в один угрюмый серый цвет. В этом цвете было уже предчувствие снега, зимних сумерек с их почерневшим серебром старых берез и стелющегося дыма.

И почему-то мне пришли на память слова композитора о вечном отблеске, что бросает на нас искусство.